

лялось и того подобострастія, которое существуетъ въ мѣстностяхъ, гдѣ было крѣпостное право. Напр. они здоровались, протягивая руку, и вообще держали себя очень хорошо и достойно. Я лично больше приписывалъ это такту Льва Николаевича и умѣнію его такъ повліять на каждаго человѣка, хотя нельзя отрицать и того, что достатокъ и свобода имѣли тоже вліяніе.

Льву Николаевичу очень нравились отношенія между мѣстными крестьянами и магометанами. Взаимная вѣротерпимость и очень часто дружба между этими разными по вѣроисповѣданіямъ лицами дѣйствительно свидѣтельствовали о свободѣ, въ которой долго жило все тамошнее населеніе. ] 39

Воспоминаніе объ этомъ лѣтѣ соединяется съ воспоминаніемъ о священникѣ Пятровской церкви, достойномъ самой лучшей похвалы. Почтенный пастырь, еще молодой и очень симпатичный, до такой степени гуманно и энергично боролся съ сектою молоканъ, что эти послѣдніе въ лицѣ самыхъ отъявленныхъ противниковъ Православія питали къ нему искреннее расположеніе. Они даже посѣщали домъ его, гдѣ онъ убѣждалъ ихъ въ ложности ихъ вѣроученія. Левъ Николаевичъ съ большимъ интересомъ относился къ этимъ бесѣдамъ и часто посѣщаль священника.

Однажды мы тамъ засидѣлись и выѣхали, когда уже было темно. Выѣзжая изъ села Пятровки при раздвоеніи дороги мы попали, какъ оказалось потомъ, не на ту дорогу. Пошелъ дождь и было до того темно, что ѣхавши верхомъ, не видно было головы у своей лошади. Мы